

ИДЕИ КАК НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

О.Ю. Малинова

Исследование проведено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, грант № 09-03-00218а.

Ключевые слова: идеи, представления, убеждения, нормы, ценностные ориентации, когнитивные установки, доктрины, программы, концепции, объясняющая парадигма, независимые переменные.

В современных политических исследованиях “материалистические” объяснения, сводящие поведение участников политических процессов к интересам и структурам, заметно превалируют над “идеалистическим” стремлением связывать причины наблюдаемых явлений с тем, что “находится в головах” — идеями, представлениями, убеждениями, нормами, ценностными и когнитивными установками и проч. Неявное предпочтение “материального” отчасти можно объяснить влиянием позитивистских установок, сыгравших определяющую роль в формировании научных подходов к изучению политики: будучи ориентирован на выявление и обобщение “объективных” связей между наблюдаемыми признаками, исследователь должен тщательно контролировать все, что зависит от субъективной позиции интерпретатора. В этой логике идеи¹ оказываются неудобной переменной, ибо их трудно операционализировать так, чтобы результат наблюдения не зависел от наблюдателя, и не всегда можно выделить в качестве самостоятельно действующего причинного фактора. Неудивительно, что идеи нередко приносятся в жертву принципу экономичности теоретического мышления (*parsimony*): в поисках объяснений политических явлений и процессов исследователи предпочитают сводить то, что “находится в головах”, к более “надежным” переменным, поддающимся наблюдению и измерению. Доминирующая в политической науке последних десятилетий теория рационального выбора — яркий пример такого рода редукции: возможность объяснения политического поведения связывается со способностью индивидов рационально, т.е. предсказуемо реагировать на (материальный) контекст, который и задает структуру интересов.

Разумеется, идеи остаются главным фокусом исследований, следующих *интерпретирующей* парадигме; однако такие исследования не претендуют на обобщения, ставя своей задачей реконструкцию и анализ конкретных ситуаций. В рамках же нацеленной на поиск общих закономерностей *объясняющей* парадигмы идеям по умолчанию отводится второстепенная роль.

МАЛИНОВА Ольга Юрьевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор МГИМО(У) МИД России, президент РАПН. Для связи с автором: omalinova@mail.ru

¹ Понятие “идеи” используется здесь расширительно, как собирательное название для различных форм организации сознания.

Было бы неверно утверждать, что “идеальное” вовсе обойдено вниманием политических наук². Систематически представленные идеи и теории находятся в центре внимания политических философов, исследователей идеологий и истории политической мысли. Ценностные ориентации, когнитивные установки, поведенческие нормы, социальные представления и идентичности различных общественных групп изучаются политическими социологами и психологами. Циркулирующие в обществе идеи, программы, доктрины, концепции, нарративы более или менее регулярно становятся предметом анализа специалистов, изучающих политические коммуникации, публичную политику, международные отношения, партии, выборы и пр. Однако то, что “находится в головах”, в большей степени рассматривается на уровне микрополитики, т.е. служит для объяснения поведения индивидов и групп. Переменные, описывающие все, что имеет отношение к мышлению и сознанию (*ideational variables*), до недавнего времени сравнительно редко включались в теории, описывающие макрополитические явления и процессы — развитие институтов, трансформацию политических режимов, формирование мирового порядка, эволюцию партийных систем и т.п. В последние же пятнадцать лет в целом ряде субдисциплин — в институциональных исследованиях, сравнительной политологии, политической экономии, исследованиях международных отношений и публичной политики — появились работы, в которых идеи берутся в качестве независимых переменных, объясняющих изменение структур. Некоторые аналитики склонны видеть в этом новую тенденцию — поворот к изучению “идеальных” факторов политики (*ideational turn*) [Blyth 1997; Blyth 2002; Campbell 2002; Ganey 2005; Gofas, Hay 2008; Hochschild 2006; Lieberman 2002; Petrova 2003; Rueschemeyer 2006; Сморгунов 2009: 120].

Обращение к идеям как значимой переменной в каком-то смысле было продиктовано ходом мировой политики. Многие события конца XX в. — такие, как распад СССР и исчезновение коммунистической системы, посткоммунистические трансформации в Восточной Европе, завершение холодной войны и последующее изменение международного порядка, новые угрозы безопасности и проч. — невозможно понять без учета их идеологической составляющей. Неудивительно, что “идейно-ориентированные” подходы стали активно разрабатываться в исследованиях международных отношений [Goldstein, Keohane (eds.) 1993; Katzenstein 1996]. В частности, появилась целая серия работ, рассматривающих “новое мышление” части советской политической элиты как одну из причин завершения холодной войны и прослеживающих процесс формирования в СССР слоя политиков и экспертов, ставшего питательной средой для столь важных идеологических инноваций [Checkel 1997; Lévesque 1997; Herman 1996; English 2000; Brown 2007: 157-189]. Еще раньше на идеи обратили внимание исследователи экономической политики, пытавшиеся объяснить сходство и различие реакций разных стран на общие вызовы [Hall 1989; Sikkink 1991]. В дальнейшем по тому же пути пошли некоторые исследователи политических институтов. Интерес к

² И тем более — смежных общественных дисциплин, прежде всего — социологии. К сожалению, социологические теории, объясняющие связи между общественным сознанием и социальными структурами и процессами, не слишком востребованы политологами.

идеям в какой-то мере был подсказан самими объектами изучения. Авторы вышеназванных работ не ставили под сомнение значение иных объясняющих переменных; они лишь пытались показать, что идеи “имеют значение” самостоятельного фактора, который необходимо учитывать.

В конце 1990-х годов работы, посвященные роли идей в политике, стали объектом методологической рефлексии в контексте дискуссии о достоинствах и недостатках одного из наиболее влиятельных в современной политической науке макроподходов — теории рационального выбора. Сторонники “идейно-ориентированных” подходов полагали, что обращение к идеям может восполнить недостатки данной теории, ибо помогает понять, каким образом формируются убеждения, предпочтения и ожидания акторов, принимаемые “рационалистами” как данность. А это, в свою очередь, позволяет лучше объяснить социальные изменения. При этом одни специалисты считают, что новые подходы должны оформиться в самостоятельную исследовательскую программу, альтернативную рациональному выбору [Blyth 1997: 247; Gofas, Nau 2008: 26-27], другие же видят в них возможность “надстроить” модель рационального выбора ярусом вспомогательных теорий [Rueschemeyer 2006: 232]. Похожие споры разгорелись и в исследованиях международных отношений, озабоченных исправлением недостатков доминировавших в этой субдисциплине до 1990-х годов неореализма и неолиберализма, или поисками альтернативных подходов [Казанцев 2009]. Так или иначе, за последние пятнадцать лет изучение идей как фактора, значимого для объяснения политических явлений и процессов, в том числе — и на макроуровне, из “кустарного производства”³ понемногу выросло в самостоятельное направление исследований, стремящееся выработать адекватную методологию.

Анализируя недавние дискуссии, я коснусь некоторых проблем, связанных с концептуализацией и операционализацией “идеальных” факторов, а также их включением в уже сложившиеся теоретические модели, и попытаюсь наметить возможные перспективы сопряжения “материального” и “идеального” в исследованиях политики.

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ “ИДЕЙ” В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛИТИКИ

Начну с уточнения содержания понятия “идеальных” (*ideational*) факторов политики. Рассуждая о причинной значимости “идей”, исследователи не всегда поясняют, какой смысл они вкладывают в данное слово. Нередко вместо определения дается перечисление: “идеи, то есть...” (теории, нормы, убеждения, фреймы и т.п.). Вместе с тем возможны различные подходы к концептуализации “идейных” составляющих политического процесса.

Понятие “идей” чаще всего ассоциируется с более или менее связными формами организации сознания, которые могут быть выделены в виде понятий, принципов, представлений, концепций, доктрин, теорий, программ и т.п. Идеи такого рода играют значимую роль в публичной политике и представляют собой удобный объект для анализа, поскольку они поддаются идентификации и фикс-

³ Так М.Блит охарактеризовал в конце 1990-х годов попытки институционалистов использовать фактор идей в разрабатываемых *ad hoc* теориях [Blyth 1997: 229].

сируются в текстах, которые можно изучать с помощью широкого набора методов. Однако их причинное воздействие на события и процессы не всегда очевидно: поскольку “публичные” идеи нередко специально разрабатываются с целью оказать влияние на общественное мнение, они интуитивно воспринимаются как “словесная завеса”, прикрывающая истинные намерения акторов. В той мере, в какой это так, действительными двигателями событий оказываются не идеи, но стоящие за ними интересы⁴. Впрочем, это не означает, что идеи никогда не оказывают влияния на поведение, в том числе — побуждая людей действовать вопреки их “материальным” интересам. Таким образом, вопрос заключается не в том, могут ли “публичные” идеи иметь значение самостоятельного причинного фактора, а в том, при каких условиях они его приобретают. В литературе нет недостатка в предположениях на этот счет, однако механизмы влияния идей на политику слишком специфичны, чтобы можно было рассчитывать на появление общей теории, применимой к широкому ряду случаев.

Идеи могут выступать и в “распыленных” формах коллективно разделяемых представлений и норм, когнитивных моделей и ценностных ориентаций, которые кажутся “очевидными” и не всегда поддаются точной формулировке. Изучение подобного рода подразумеваемых идей требует специальных подходов, поскольку их невозможно обнаружить в “отдельно взятой голове”⁵; их выявление требует сопоставительного анализа различных проявлений общественного сознания (в том числе — невербальных). Коллективно разделяемые представления несомненно оказывают влияние на поведение, задавая репертуар смыслов, на основе которого интерпретируются события и интересы. Однако это влияние плохо вписывается в традиционные представления о причинно-следственных связях, согласно которым причина должна существовать независимо от следствия и предшествовать ему во времени. В случае коллективно разделяемых идей мы имеем дело не столько с линейными причинно-следственными эффектами, сколько с формированием дискурсивных условий, которые задают рамки для действий, событий или процессов, не детерминируя их однозначно.

Различие между выделенными здесь подходами к концептуализации идей является сугубо аналитическим. На практике границы весьма условны: “публичные” идеи приобретают влияние, превращаясь в распространенные убеждения и установки, а “скрытые” социальные представления поддаются вербальной реконструкции и могут быть объектом рефлексии. Степень “оформленности” идей всегда относительна. Однако выбор того или иного способа их концептуализации влечет за собой определенные методологические следствия, в частности — в отношении социальной онтологии. Хотя идеи всегда находятся “в головах” индивидов, они имеют социальную природу; и

⁴ Заметим, что противопоставление идей и интересов опирается на интерпретацию последних как “объективных”, заданных совокупностью наблюдаемых “материальных” факторов. С точки зрения конструктивистского подхода оно не имеет смысла, поскольку предполагается, что интересы определяются и переопределяются в процессе социального взаимодействия, причем на основе меняющихся репертуаров смыслов (т.е. тех же идей).

⁵ Один из примеров — концепция социальных представлений С.Московичи, в основу которой положено понятие коллективных представлений, введенное Э.Дюркгеймом.

связь между индивидуальным и социальным может быть осмыслена по-разному. “Эксплицитные” идеи могут быть продуктом как индивидуального, так и коллективного творчества; но они всегда так или иначе связаны с агентами, которые их производят, распространяют, обсуждают, критикуют, принимают или отвергают. Поэтому такой способ концептуализации тяготеет к онтологии методологического индивидуализма, фокусирующего внимание на поведении индивидов или групп. “Распыленные” же формы выражения общественного сознания являются для индивидов “объективной” данностью: человек не в состоянии самостоятельно создать полный набор необходимых для жизни в обществе смыслов, кодов, стандартов и проч., хотя и участвует в их воспроизводстве и трансформации. В силу этого второй из обозначенных здесь подходов в большей степени тяготеет к сосредоточенному на “внутренней” логике социальных структур холизму, либо к онтологическим установкам, рассматривающим индивидов и социальные структуры как продукт общественных отношений.

Не менее сложной является задача операционального определения, без которого невозможно эмпирическое исследование “идеальных” факторов. Исследователи, претендующие на построение обобщающих теорий, вынуждены идти по пути классификации и выделения категорий идей, которые предположительно способны оказывать влияние на политические явления и процессы. Как правило, эти категории определяются по функциональному признаку. Чаще всего исследователи считают нужным различать *нормативные* (предписывающие некие ценности, идеалы и представления о должном) и *когнитивные* (задающие представления об устройстве социального мира) идеи [Schmidt 2002: 171; Rueschemeyer 2006: 228; см. также Campbell 2002: 22–29]. В том же русле лежит классификация Дж.Голдштейн и Р.Кохейна, которые выделяют *убеждения-принципы* (*principled beliefs*), обеспечивающие нормативные основания политических решений, *каузальные представления* (*causal beliefs*), помогающие определять стратегии достижения целей, а также фундаментальные *мировоззрения* (*world-view*) [Goldstein, Keohane 1993: 8, 10]. Однако все эти типологии фактически разработаны *ad hoc* и отличаются фрагментарностью, свидетельствуя о том, что перспектива разработки общей теории о влиянии идей на политику пока весьма туманна.

Более успешно решается задача разработки операциональных моделей, не претендующих на универсальность, но позволяющих решать конкретные эмпирические задачи. В качестве примера можно привести работу Д.Арта, предложившего методику исследования общественных дискуссий (*public debates*) и их влияния на политическую среду, в которой они происходят, и апробировавшего ее на примере сравнительного анализа дискуссий о нацистском прошлом в Германии и Австрии [Art 2006].

Самостоятельной задачей является идентификация идей, которые должны стать объектами исследования. Основные принципы решения данной задачи можно обнаружить в любом методическом руководстве по дискурс-анализу. Единственная проблема заключается в том, что выявление и полноценное изучение идей, способных “иметь значение” в конкретном контексте, является довольно трудоемкой процедурой. Это обстоятельство отчасти сдерживает применение “идейно-ориентированных” подходов.

КАКИМ ОБРАЗОМ ИДЕИ ВЛИЯЮТ НА ПОЛИТИКУ?

Идеи могут выступать и проводниками инноваций, и инерционной силой, определяющей рамки возможных социальных изменений, т.е. фактором удержания и преемственности. С этой функциональной двойственностью связаны некоторые трудности концептуализации влияния идей на политику. Как правило, рассуждая об эффектах, производимых идеями, исследователи концентрируют внимание на какой-то одной из двух функций — инновационной или консервативно-инерционной (последняя нередко описывается с помощью понятий “культура” и “ментальность”). В доступной нам политологической литературе не удалось обнаружить работ, прослеживающих одновременно оба вектора влияния идей. На наш взгляд, ориентиром здесь могла бы служить концепция американского культуролога Э.Свидлера, в которой различаются две модели влияния культуры на поведение индивидов. В ситуации устоявшегося жизненного уклада (*settled lives*) культура непосредственно включена в действие, обеспечивая образцы, на основе которых индивиды и группы строят свои стратегии; в ситуации же неустановившегося уклада (*unsettled lives*) она выступает в виде открыто артикулируемых систем смыслов, которые становятся объектами дискуссий и основой для формирования новых способов организации социального действия. Таким образом, причинное воздействие культуры на социальное поведение может протекать в разных режимах [Swidler 1986: 278-281]. По-видимому, по аналогии можно говорить о разных режимах влияния идей на политические структуры и процессы. Изучение этих режимов предполагает использование разных подходов: для анализа “консервативного” влияния идей в большей степени пригодны подходы, учитывающие их структурные и коллективные свойства; для исследования же “инновационного” влияния не стоит пренебрегать возможностями методов, позволяющих учитывать роль агентов, производящих, распространяющих и обсуждающих идеи. Данное различие имеет сугубо аналитический смысл, ибо на практике эти режимы могут сосуществовать во времени и пространстве (хотя и в разном соотношении). Поэтому в зависимости от целей исследования возможны различные комбинации подходов.

Доказательство тезиса “идеи имеют значение”, безусловно, не является самоцелью. Гораздо важнее понять, каковы механизмы влияния идей и при каких условиях “идеальные” факторы оказываются значимыми для объяснения политики и не могут быть сведены к другим переменным. Хотя накопленного материала явно недостаточно для построения развернутых теорий, он содержит интересные наблюдения, которые могут послужить основой для дальнейших исследований.

Одна из первых попыток обобщить способы влияния идей на политику была предпринята международниками Дж.Голдштейн и Р.Кохойном, исследовавшими возможности использования новой переменной в объяснительных моделях рационального выбора. В работе, опубликованной в 1993 г., они выделили три типа причинных эффектов, порождаемых идеями. Согласно их классификации, идеи, во-первых, выступают в роли “*дорожных карт*”, направляющих акторов в выборе стратегии реализации интересов и помогающих решать проблему неполноты информации [Goldstein, Keohane 1993: 8]. По мнению Голдштейн и Кохойна, каузальные представления частично снимают про-

блему неопределенности, задавая паттерны достижения поставленных целей, а убеждения-принципы придают поступкам моральную окраску, что позволяет актерам действовать более решительно в отсутствие возможности до конца рассчитать последствия. Во-вторых, идеи имеют значение “фокусных точек” (*focal points*). Они “влияют на стратегические взаимодействия, способствуя или препятствуя коллективным усилиям, направленным на достижение более эффективных результатов... в отсутствие единственной точки равновесия” [ibid.: 12]. В конечном счете исход определяется материальными интересами акторов, однако идеи опосредуют переговоры. В-третьих, идеи оказывают влияние на принятие решений, выступая *в институциональной оболочке*, т.е. будучи воплощенными в институтах [ibid.: 20].

Однако, как полагают критики, возможности включения идей в объяснительную модель рационального выбора заведомо ограничены, ибо допущение о способности акторов по-разному интерпретировать контекст и собственные интересы противоречит ее фундаментальной посылке о “рациональности” поведения. Идеи могут быть включены в данную модель лишь по остаточному принципу, в роли вспомогательной переменной, рассчитанной на случаи, не поддающиеся объяснению с точки зрения материальных интересов.

Несколько лучше с задачей привлечения “идейных” переменных для объяснения крупномасштабных изменений справляется исторический институционализм, который рассматривает идеи как один из факторов, определяющих представления акторов об их интересах. Пример исследования такого рода — книга Ш. Берман, посвященная сравнительному анализу германской и шведской социал-демократии в 1920-х годах. Причину того, что находившаяся у власти СДПГ не предпринимала эффективных попыток борьбы с кризисом, а более слабой и малочисленной шведской социал-демократии удалось в тот же период заложить основы весьма успешной экономической модели, Берман видит в идеологических ограничениях, которыми были связаны выступавшие в роли “хранителей веры” германские социал-демократы, а также в том, что шведам удалось более творчески отнестись к марксистскому наследию [Berman 1998: 176–180]. Таким образом, различие, созданное идеями, повлияло на выбор политического курса, который оказался судьбоносным.

Однако и у этого направления есть свои критики. По мнению М. Блита, удачно объясняя роль идей как “инициаторов” принципиальных изменений, исторический институционализм в меньшей степени готов учитывать их влияние на уровне более простых инструментальных перемен [Blyth 1997: 245]. Это связано с тем, что исторический институционализм делает упор на “коллективные” качества идей и рассматривает их как “политические парадигмы”, усваиваемые актерами в процессе социализации. Кардинальные сдвиги в политике определяются сменой парадигм; однако как происходит изменение самих парадигм — остается “за кадром”.

Объяснение двойного процесса изменения политики и идей лучше удается исследователям, работающим в русле так наз. дискурсивного институционализма. Представители данного направления делают следующий шаг в осмыслении роли идей, используя понятие “дискурс”, указывающее одновременно и на набор идей, и на интерактивный процесс, в котором эти идеи производятся и оспариваются. По мнению В. Шмидт, дискурс “является эле-

ментом, которого недостает анализу изменений политического курса... Понимаемый и в качестве набора идей в пользу необходимости и приемлемости реформы, и в качестве интерактивного процесса конструирования и обсуждения политического курса, дискурс способен формировать интерактивный консенсус в пользу изменений” [Schmidt 2002: 169]. Таким образом, процесс выработки и изменения идей удается концептуализировать как часть самой политики (*politics*), составным элементом которой оказывается дискурсивная борьба за переопределение интересов.

Мы видим, что при включении идей в качестве независимых переменных в существующие теоретические модели возникают те или иные ограничения. Вместе с тем, показательно, что эксперименты такого рода ведутся на разных “платформах”. Хотя соревнование за построение объясняющих теорий на основе исключительно “идейных” переменных, возможно, и не приведет к желанному результату, складывается хорошая перспектива изучения такого рода переменных в комплексе с другими факторами в рамках разных подходов. И последнее, возможно, важнее.

КАК ИССЛЕДОВАТЬ ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ: ПОИСК ПРИЧИН ИЛИ ВЫЯВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ?

Увенчались ли успехом усилия тех, кто стремился доказать значимость идей для объяснения политики? Ответ на этот вопрос зависит от того, как мы понимаем процедуру объяснения. Следует ли рассматривать идеи в качестве *причин*, порождающих некие политические *следствия*, или же нужно отказаться от логики линейной причинности и видеть в идеях контекст, задающий некие рамки для действий акторов, но не детерминирующий их однозначно? Я разделяю позицию тех, кто считает последний путь более перспективным. Возможно, он хуже вписывается в исследовательские программы, нацеленные на выявление “закономерностей”, однако прекрасно работает в проектах, посвященных изучению социальных механизмов. По определению Ч.Тилли и Р.Гудина, “механизмы образуют определенный класс событий, которые меняют отношения между выделенными элементами сходным или почти сходным образом во множестве ситуаций”. Хотя механизмы по определению производят единообразные *непосредственные* эффекты, их *кумулятивные* и *долговременные* эффекты более вариативны, ибо зависят от внешних условий и взаимодействия с другими социальными механизмами [Tilly, Goodin 2006: 15]. Исследователь, изучающий механизмы, заведомо отказывается от редуцирующей простоты и “экономичности” теоретического мышления, и стремится учитывать значимые для решения его задач элементы контекста, чтобы быть в состоянии выявить их кумулятивные эффекты. Строго говоря, такое представление об исследовательских задачах не исключает анализа причинно-следственных связей, однако побуждает отказаться от представления об однозначной детерминированности в логике линейного причинения. Исследователю социальных механизмов приходится сталкиваться со множеством разнообразных факторов, работающих на разных уровнях и в разных темпоральных срезах, используя соответствующие когнитивные схемы⁶.

⁶ Один из возможных подходов — “воронка причинности” [см. Ильин 2002; Мелешкина 2002; Мельвиль 2002].

Представляется, что наиболее интересные наработки исследователей, практикующих “идейно-ориентированные” подходы, связаны с выявлением взаимодействия и взаимовлияния идей, акторов и институтов. Именно через изучение такого рода связей удастся находить решения проблем, которые возникают, если мы пытаемся видеть элементы данной триады исключительно в качестве причин или следствий. Например, “рационалистов” справедливо критиковали за то, что, рассматривая идеи как фактор преодоления неопределенности, они оставляют без ответа вопрос об источниках “нужных” идей. Действительно, отнюдь не все идеи, циркулирующие в публичной среде, оказывают влияние на принятие решений. Их относительная “сила” или “слабость” зависит не только от их интеллектуальных качеств, но и от способности соответствовать контексту и современным технологиям политических коммуникаций. Однако значение имеют не только идеи. Очевидно, что влияние последних в известной мере определяется характером политического режима, особенностями институтов и процедур принятия решений. Наконец, не следует сбрасывать со счетов и личности людей, которые производят, распространяют, отстаивают или критикуют “публичные” идеи.

Исходя из этого, едва ли имеет смысл тратить силы на выявление причинной значимости идей как отдельно взятого фактора, как делали это некоторые сторонники “идейно-ориентированных” подходов. Гораздо перспективнее объединение усилий специалистов из разных областей в рамках исследовательских программ, ориентированных на комплексное изучение циркулирующих в обществе идей во взаимосвязи с институциональными условиями, определяющими правила игры и стратегии акторов, которые эти идеи производят, а также с политическими коммуникациями, обеспечивающими обращение последних.

Ильин М.В. 2002. Инструментарий политолога: “воронка причинности”. — *Полис*, № 2.

Казанцев А.А. 2009. “Конструктивистская революция”, или О роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений. — *Политическая наука*, № 4.

Мелешкина Е.Ю. 2002. “Воронка причинности” в электоральных исследованиях. — *Полис*, № 2.

Мельвиль А.Ю. 2002. Методология “воронки причинности” как промежуточный синтез “структуры и агента” в анализе демократических транзитов. — *Полис*, № 2.

Сморгунов Л.В. 2009. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? — *Полис*, № 1.

Art D. 2006. *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Berman S. 1998. *The Social Democratic Movement: Ideas and Politics in the Making of Interwar Europe*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Blyth M.M. 1997. “Any More Bright Ideas?” The Ideational Turn of Comparative Political Economy. — *Comparative Politics*, № 1.

Blyth M.M. 2002. Institutions and Ideas. — D. Marsh and G. Stoker (eds.). *Theory and Methods in Political Science*. L., etc.: Palgrave MacMillan.

Brown A. 2007. *Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective*. Oxford: Oxford University Press.

Campbell J.L. 2002. Ideas, Politics, and Public Policy. — *Annual Review of Sociology*, vol. 28.

Checkel J. 1997. *Ideas and the International Political Change: Soviet/Russian Behavior and the End of the Cold War*. New Haven: Yale University Press.

English R. 2000. *Russia and the Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of Cold War*. N.Y.: Columbia University Press.

Ganev V.I. 2005. The "Triumph of Neoliberalism" Reconsidered: Critical Remarks on Ideas-centered Analysis of Political and Economic Change in Post-communism. — *East European Politics and Societies*, vol. 19, № 3.

Gofas A., Hay C. 2008. *The Ideas Debate in International and European Studies: Towards a Cartography and Critical Assessment*. — Barcelona: Institut Barcelona d'estudis internacionals.

Goldstein J., Keohane R.O. (eds.) 1993. *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. Ithaca: Cornell University Press.

Goldstein J., Keohane R.O. 1993. Ideas and Foreign Policy: An Analytical Framework. — Goldstein J., Keohane R.O. (eds.) *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. Ithaca: Cornell University Press.

Goldstein J. 1993. *Ideas, Interests and American Trade Policy*. Ithaca: Cornell University Press

Hall P.A. (ed.) 1989. *The Political Power of Economic Ideas: Keynesianism Across Nations*. Princeton: Princeton University Press.

Herman R.G. 1996. Identity, Norms, and National Security: The Soviet Foreign Policy Revolution and the End of the Cold War. — Katzenstein P. (ed.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. N.Y.: Columbia University Press.

Hochschild J.L. 2006. How Ideas Affect Actions. — R. Goodin and Ch. Tilly (eds.). *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford, etc.: Oxford University Press.

Katzenstein P. (ed.) 1996. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. N.Y.: Columbia University Press.

Lévesque J. 1997. *The Enigma of 1989: The USSR and the Liberation of Eastern Europe*. Berkeley: University of California Press.

Lieberman R.C. 2002. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change. — *American Political Science Review*, vol. 96, № 4.

Petrova M.H. 2003. The End of the Cold War: a Battle or Bridging Ground Between Rationalist and Ideational Approaches in International Relations? — *European Journal of International Relations*, vol. 9, № 1.

Rueschemeyer D. 2006. Why and How Ideas Matter. — R. Goodin and Ch. Tilly (eds.). *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford, etc.: Oxford University Press.

Sikkink K. 1991. *Ideas and Institutions: Developmentalism in Argentina and Brazil*. Ithaca: Cornell University Press.

Schmidt V.A. 2002. Does Discourse Matter in the Politics of Welfare Adjustment? — *Comparative Political Studies*, vol. 35, № 2.

Swidler A. 1986. Culture in Action: Symbols and Strategies. — *American Sociological Review*, vol. 51, № 4.

Tilly C., Goodin R. 2006. It Depends. — R. Goodin and Ch. Tilly (eds.). *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford, etc.: Oxford University Press.